

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

«ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА» ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ- КУЛЬТУРОЛОГА

Очень трудно найти определение для автора этой книги¹ — Леонида Спивака, которого я знаю как прекрасного краеведа, знатока истории и культурных памятников Бостона, писателя, пишущего об американских президентах и дипломатах, о русско-американских культурных связях... В новой его книге «Страна за горизонтом» «краеведческий» и «биографический» подходы сохраняются, но так как речь в ней идет о писателях и их сочинениях, добавляется еще литературный и литературоведческий аспекты. При этом временами возникает ощущение, что автор так много знает о своем предмете, такое изобилие вкусных подробностей хранится в его памяти или извлечено им из разнообразных источников, что мы одновременно просто не в силах охватить и освоить все это богатство. Кому-то такое культурное пиршество покажется привлекательным, мне же избыток информации часто мешает вычленить главное и воспринять текст в целом. Но это в сторону.

Итак, книга о писателях и их сочинениях...

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

¹ Леонид Спивак. Страна за горизонтом. M-Graphics, Boston, MA, 2022.

Писатели... о, эти два «некровно-родственных близнеца», пишущих в четыре руки (как это у них получалось — бог весть)². Мы их знаем по псевдонимам — Илья Ильф и Евгений Петров. Настоящие имена примечательны. Оба родились в Одессе, еврей Ильф получил при рождении чисто еврейское имя Иехиел Лейб Файнзильтберг. Русский Евгений Петров заменил свою природную «писательскую» фамилию Катаев (писателем был его старший брат Валентин) на ординарную Петров, произведенную от отчества (Петрович). Два одессита встретились (бывает же такое!) в Москве в 1925 году, почувствовали взаимное притяжение и создали (нет-нет, вовсе не гомосексуальную пару — и в мыслях такого не было!) писательский тандем. Написав два блистательных сатирических романа о приключениях турецкоподданного Остапа Бендера («Двенадцать стульев», 1928 и «Золотой теленок», 1931) оба вошли в число «корифеев» советской литературы. При этом они не вошли в школьные хрестоматии и время от времени подвергались преследованиям (то запрет на переиздания, то изъятие из библиотек и помещение в спецхран). Зато со времени первого издания два ильфо-петровских романа стали любимым чтением советских людей — от стариков до юношества, от интеллигентов до рабочих.

Третья значительная и почти столь же читаемая книга была написана писателями примерно за год до большого террора и смерти Ильфа, в 1935—1936 годах, по следам четырехмесячного путешествия по Америке. На новеньком «форде» «русские» в компании американской четы Адамс два раза пересекли Америку — от Атлантики до Тихого океана и обратно. И если в прежних книгах советских авторов Америка представляла как «Город Желтого Дьявола» (Горький), «Железный Миргород» (Есенин), то Ильф и Петров, живо и с юмором описывая американскую жизнь, подметили в ней много такого, что было интересно самим американцам. Книгу перевели на английский, и в многочисленных отзывах американцы, не обижаясь на критику, приветствовали «взгляд на себя со стороны» и удивлялись наблюдательности и зоркости русских...

Но пора перейти непосредственно к книге Леонида Спивака «Страна за горизонтом», написанной по следам «Одноэтажной Америки»...

Во-первых, скажу, что «по следам» — не совсем фигуральное выражение. Писатель за тридцать лет своей жизни в Америке не раз посещал те же города, что и четверка путешественников, а в них гулял по тем же местам, что и они (со скидкой на время). Вы спросите, какие города путешественники посетили. Вот примерный перечень: Нью-Йорк, Ниагара, Детройт, штат Мичиган, Ганнибал, штат Миссури, Чикаго, штат Иллинойс, Канзас-Сити, штат Канзас, Лас-Вегас, штат Невада, Гэллуп, штат Нью-Мексико, Сан-Франциско и Лос-Анджелес, штат Калифорния, Нью-Орлеан, штат Луизиана, Вашингтон, округ Колумбия. Если вы думаете, что главы книги Леонида Спивака повторяют в названиях этот перечень, то вы ошибаетесь. Названия самые разнообразные, вот навскидку: «История с золотым портсигаром», «Маленький город», «Дева Туманов», «О коровах и людях», «Продукты питания», «Томас и Гекльбери», «Под куполом цирка», «О двух столицах», «Незавершенная глава».

Одна деталь добавляет нашему сообщению о посещенных городах крупицу иронии. «Русские» миновали Бостон (он лежит не на основной дороге) — самый европейский, «высококолый», культурный центр Америки, город Гарвардского университета и — самое пикантное — то самое место, где вот уже тридцать лет проживает и работает автор книги Леонид Спивак. Но что есть, то есть, — в Бостоне Ильф и Петров не побывали.

Долго думала, как рассказать читателю об особенностях этой книги. Она и путеводитель по американским городам, и связующая нить между Россией и Америкой, и кла-

² Известно, что в книге «Одноэтажная Америка» часть глав написана отдельно Ильфом и отдельно Петровым, а часть совместно. Но попробуй угадай, где чья и где общая...

дезь подробностей об истории и культуре Штатов, и срез русско-американской компаративистики. Но в то же время ее сюжет движется за сюжетом «пракниги», именно: «Одноэтажной Америки». И начинается она, как и положено, с биографии «литературных близнецов», познакомившихся в начале 1920-х в редакции газеты «Гудок». До того оба по-настоящему к литературе отношения не имели, Ильф работал... где он только не работал, дойдя на пике до должности счетовода, Петров был следователем уголовного розыска... В один прекрасный день брат Петрова Валентин Петрович Катаев, тогда уже довольно известный писатель, предложил обоим сюжет: в одном из двенадцати стульев «старорежимного» мебельного гарнитура спрятаны бриллианты. За посредничество попросил золотой портсигар, который таки получил по выходе книги в свет. Отсюда и название главы у Леонида Спивака.

Если идти дальше по перечисленным мною главам, то «Маленький город» пропустить нельзя. Дело в том, что Ильф и Петров открыли для себя и для своих читателей чисто американский феномен — небольшой провинциальный городок, состоящий в основном из одноэтажных построек — из таких городков состоит Америка... И ведь действительно парадокс — преобладание одноэтажных домиков в той самой Америке, которую все привыкли ассоциировать с небоскребами. Однако сегодня, как пишет Спивак, Америка — не «городская» и «провинциальная», как во времена Ильфа и Петрова, а «пригородная», сабурбная (от англ. «suburb»). Люди предпочитают жить не в центре мегаполиса, а на его окраине, в небольших одно-двухэтажных, часто деревянных домиках с лужайками впереди и садом позади. Лужайка, как правило, ничем не огорожена, открыта взору прохожих, хозяева с весны по осень подстригают свой газон, ухаживают за цветами, кустами и деревьями. Такие пригороды напоминают российские дачные поселки — те же зелень, воздух. Нет только овощей на грядках — овощи сажают, как правило, здешние русские или корейцы, «настоящие» же американцы больше озабочены ландшафтным дизайном. Жить здесь комфортно как летом, так и зимой: есть отопление, кондиционер, прекрасные дороги, школы и больницы, все услуги и удобства. Со второй половины XX века в Америке в маленьких городах на свободных участках строят типовые коттеджи из готовых конструкций. Растут они чрезвычайно быстро, как на дрожжах. Они комфортны, недороги, и при желании можно выбрать «свой вариант» жилища, в чем-то отличный от соседского. Леонид Спивак изобразил этот процесс в главе «Протогород», где назвал имя Ульяма Левитта, потомка российских раввинов, после Второй мировой поставившего строительство таких домиков на широкую промышленную ногу. Ильф и Петров, путешествовавшие по стране в середине 1930-х, естественно, не могли застать послевоенный градостроительный бум, но они сумели в образе жизни «одноэтажной Америки» увидеть то, что и сегодня мило сердцу американцев: комфорт, порядок, владение собственным жильем, желательно с садом, гаражом и сараем, хорошие дороги и продуманную инфраструктуру, где бы твое жильё ни находилось, хоть в горах, хоть в лесу.

Следую дальше за наугад перечисленными главами. «Дева Туманов». Такой метафорой автор обозначил Ниагару. Мощный, овеянный легендами водопад («ансамбль из трех водопадов шириной более километра») не был пропущен нашими путешественниками. А Леонид Спивак не упустил возможности рассказать несколько занятных историй, случившихся в этих местах. Знали ли вы, что Ниагара вот уже больше двух веков считается «мировой столицей молодоженов»? И началось паломничество «свеженьких» пар на Ниагару с посещения водопада младшим братом Наполеона Жеромом и его американской невестой Бетси. Брак вскоре был аннулирован, Бетси осталась одна с ребенком, но слава «столицы молодоженов» от этого отнюдь не поблекла. Было это в начале XIX века. Во второй половине XIX века и в начале XX здесь упряжия-

лись циркачи. Француз прошел над водопадом по натянутому канату, вторично он шел с завязанными глазами и с плитой, на которой готовил омлет. Уцелел. Англичанин проплыл в бездне вод в стальной бочке. Тоже уцелел, но долго лечил переломы. Спивак сообщает нам и то, как посмеялась судьба над храбрецом. Он поскользнулся на апельсиновой корке и не перенес операции по ампутации ноги.

Далее (в моем перечислении) следует главка «О коровах и людях».

Когда едешь на автомобиле по Америке, видишь, какая это «фермерская» страна. Нескончаемые кукурузные поля, фруктовые сады, пастбища с черными коровами, лошадки, резвящиеся в загонах... Нашла в Википедии любопытные цифры. В сельском хозяйстве США занято 20 млн человек, то есть 18 % активного населения. При этом аграрный сектор не только обеспечивает основные потребности населения, но и снабжает ряд стран соевыми бобами, кукурузой, пшеницей, говядиной, свининой, птицей, молочными продуктами, орехами, фруктами и овощами. В прошлом году сельскохозяйственный экспорт в Китай, Мексику, Канаду и другие страны превысил 177 млрд долларов. Прошу прощения за введение статистики в мой текст. Но мне показалось, что она уместна в разговоре «О коровах и людях». Главный смысл этой главы раскрывается в рассказе автора о «хите» Чикагского художественного института — незамысловатой картине фермерского сына Гранта Вуда «Американская готика» (1930). После долгого осмеивания и неприятия картина заняла свое место в ряду символов национального американского характера, людей от земли, так называемых *redneck*(ов) (красноношеих, иначе — тех, кто занят физическим трудом в любую погоду). Если вы ее не помните, привожу описание: «...две статичные фигуры — фермера с дочерью на фоне их белого домика... В правой руке у фермера вилы, которые он держит в крепко взятом кулаке так, как держат винтовку. Дочь поселянина типично пуританского облика, в старомодном переднике и с прибранными волосами...» И знаете, в этих двух людях действительно проглядывает «дух нации». Скажу, что угадан и фенотип — при всей улыбочивости американцев в них есть «хмурая сосредоточенность» — на своих делах, обязанностях, на своем участке, который нужно возделывать, иначе не будет урожая и, следовательно, дохода. Фермеры? Не только. Американцы — нация трудяг, недаром существует понятие «американская работа».

Глава «Продукты питания», конечно, об американской еде. Ильф и Петров над ней хорошо посмеялись. Она их категорически не удовлетворяла. Леонид Спивак, однако, приводит типично американские блюда, вызывающие аппетит и у европейцев. Конечно же, это «клэм-чаудер» — бостонская уха, барбекю, гамбургер; от себя добавлю типично американскую выпечку — маффины, пончики-донатсы, тыквенный, яблочный, пекановый пироги, а также замечательно вкусные разнообразные чиз-кейки; Сергей Пархоменко в своей программе «Вкус еды» рассказывает о завоевавшем мир американском салате «Цезарь». Попробовали Ильф и Петров и типично американский напиток кока-колу, которую сейчас в России, как в годы моей юности, заменяют «Байкалом». За год до путешествия Ильфа и Петрова, как замечает автор «Страны за горизонтом», в России отменили карточки на основные продукты питания: мясо, масло, рыбу, сахар, картошку.

А год спустя Микоян, отвечающий за пищевую промышленность, привез из Америки технологии производства хлеба, колбасы (знаменитая «Докторская»), пломбира в вафельных стаканчиках... Возникли предпосылки для издания в СССР знаменитой, богато иллюстрированной книги, видела ее чуть ли не в каждом советском доме, это — «Книга о вкусной и здоровой пище» (1939). Леонид Спивак, следуя за народными оценками, называет ее «самым антисоветским изданием» в СССР.

«Томас и Гекльберри»... Тут и ежу понятно, что глава посвящена героям Марка Твена, поселившего их в мифическом Сент-Питерсберге, а на самом деле — родном

для автора городе Ганнибале. О нем у советских сатириков сказано: «Город зловещей уездной скуки».

Между тем именно этот городок на берегу великой Миссисипи дал нам «основоположника национальной американской литературы» — Марка Твена. После прочтения книги Спивака я знаю, что псевдоним Mark Twain, выбранный для будущих писаний юным речным лодчманом Сэмюэлем Клеменсом, означает «отметка в две сажени» лота, позволяющая кораблю плыть, не боясь мели.

Удивительное место нашел Леонид Спивак в воспоминаниях Виктора Шкловского. Тот уподобляет Ильфа Тому Сойеру, «фантасту», «знающему про лампу Аладдина и подвиги Дон Кихота», а Петрова — Геку Финну, который «видит в вещи не больше самой вещи». Подумалось: не в этом ли секрет «взаимодополняемости» и «слиянности» этой пары?

В главе много интересных подробностей о судьбе Марка Твена, признанного сатирика и юмориста, когда-то поразившего меня своей глубокой и драматичной книгой о Жанне д'Арк.

Меня удивило, что писатель не имел образования, даже не окончил школу («не позволял школе вмешиваться в свое образование»). Был путешественником — и 14 раз пересек Атлантику. Сам под псевдонимом написал восторженную рецензию на свои путевые записки «Простаки за границей», чем вызвал ажиотажный спрос на книгу (вы, нынешние, ну-тка!). А еще, будучи жив-здоров, написал автобиографию, предважив ее словами «Из могилы» и завещав опубликовать через сто лет. Срок истек в ноябре 2010 года, книга стала бестселлером. Сильно подозреваю, что не я одна буду искать ее в сети.

Это одна из глав, посвященных американскому писателю. А вообще, на страницах «Страны за горизонтом» встречаются десятки имен писателей, живших или живущих ныне в Америке. Огромный их список даже не буду оглашать. Но интересно, что в большом числе упоминаются и русские писатели, даже не слишком приметные: Свиньин (старший современник Пушкина), Пильняк... Особенное пристратие Леонид питает к русскому американцу Набокову. Вспоминаю, что когда-то он писал сценарий к фильму Маши Герштейн «Набоков в Бостоне». Приверженность к Набокову простирается до того, что в книге, со ссылкой на американских исследователей, дается сопоставление «Евгения Онегина» Пушкина и набоковской «Лолиты». Что ж, сопоставление оправданно, если иметь в виду глубокий интерес Набокова к «Онегину». Набоков, ведущий «интеллектуальную игру с читателем», привлекается Леонидом Спиваком и к разговору об «Одноэтажной Америке». Все это прекрасно, и однако, как кажется, эти рассуждения слегка повисают в воздухе, так как места для их развития в книге нет, как нет и смыслового стержня для таких сопоставлений.

Коротко пройду по двум главам (из моего списка), предшествующим последней «Незавершенной главе». Это «Под куполом цирка» и «О двух столицах». Наши сатирики, прибыв в Лос-Анджелес, естественно, побывали в Голливуде, который до них посетили режиссеры Сергей Эйзенштейн и Григорий Александров. Свою первую музыкальную комедию «Веселые ребята» (1934) Александров снял под большим влиянием американских образцов. Леонид Спивак без обиняков называет ее «калькой голливудских фильмов». И если судьба «Веселых ребят» сложилась счастливо, публика приняла их на ура, нельзя того же сказать об участии двух сценаристов картины, талантливейших Николая Эрдмана и Владимира Масса. Бдительные органы арестовали их и увели прямо посреди съемок в Гагре. Сценаристами следующей музыкальной комедии Александрова стали Илья Ильф и Евгений Петров. Сценарий перерабатывался семь (!) раз, в итоге авторы сценария попросили снять их имена из титров. Знаме-

натальный конец: сатирики не хотели участвовать в том, что Леонид Спивак обозначил как «кинохалтуру и пропаганду». Трагедией обернулось для руководителя советской кинопромышленности Бориса Шумяцкого его стремление «догнать и перегнать Америку» по части производства фильмов, а именно: построить «советский Голливуд». Подыскивалось даже место в Крыму для чудо-киногорода, планировалось выпускать, как в США, по 700 кинокартин в год. Однако в 1938 году Борис Захарович был арестован, обвинен в терроризме (!) и расстрелян. В книге приводится его обвинительный приговор «нелепее самой гротесковой голливудской поделки»: «Группа террористов во главе... с Шумяцким с целью совершения террористического акта против членов Политбюро ВКП(б) умышленно разбила запасную колбу ртутного выпрямителя и отравила помещение просмотрового кинозала в Кремле». Нарочно не придумаешь.

Фильм «Цирк» с музыкой Исаака Дунаевского, несмотря на свой идеологический крен, хорошо смотрится до сих пор. Особенно выразительна одна из его финальных сцен с Михоэлсом, поющим на идиш колыбельную над черным младенцем, по этой сцене можно судить об уровне государственного антисемитизма в стране, ее то удаляют, то вновь вставляют в картину.

Главу «Две столицы» — о Бостоне и Вашингтоне — не могу пропустить, так как с 2001 года двенадцать лет прожила в Бостоне и вот уже восемь лет живу в Вашингтоне. Об этих двух городах Спивак пишет, что они «ярко выразили две разные идеи „стольного города“, европейскую и американскую». Подтверждаю, Бостон очень напоминает европейский город, первое время он мне казался удивительно похожим на Москву, другое дело, что он не «стольный город».

Для доказательства последнего утверждения Леониду понадобилось сравнение Бостона с Санкт-Петербургом, чья судьба и историческая роль действительно во многом схожи с бостонской. Снова возникает некое «умножение сущностей», с трудом понимаешь, что вторая столица (и в общем-то, единственная по статусу), о которой идет речь, все же Вашингтон. Не знаю, выразил ли Вашингтон идею американского «стольного города». Он, на мой взгляд, сильно отличается от других американских городов. Небоскребов здесь нет, их строительство ограничено законодательством. Самая высокая постройка — стела Вашингтона (169 метров). Очень много зелени, садов, парков. В городе концентрируются разнообразные по архитектуре посольства разных стран (больше 175). А величественные здания в сердце Вашингтона — Белый дом, Капитолий, Библиотеку Конгресса — я бы назвала неоклассическими. Петр Вайль, которого Леонид Спивак цитирует, называет Вашингтон «столицей палладианства». О да, здесь иногда до смешного следуют «античным образцам». Сколько раз видела в городе каменных львов на воротах, даже в нашем Роквилле, пригороде столицы, есть парочка. Огромное количество музеев, причем их посещение бесплатно (спонсируется меценатами). Фантастичен по богатству художественный музей Вашингтонская национальная галерея. Сердце сжимается, когда в некоторых здешних шедеврах узнаешь картины из Эрмитажа, в послереволюционные годы приобретенные банкиром и коллекционером Меллоном за доллары, которые затем тратились на покупку оружия и продовольствия. Не дай бог, история повторится — и «варвары» в правительстве потребуют для продолжения войны в Украине распродавать накопленные за века российским государством бесценные сокровища искусства.

Ильф и Петров посетили наш город, но, судя по всему, не очень успели его разглядеть. Это был последний пункт их долгого и утомительного путешествия. А жаль! Как бы мне хотелось, чтобы они разглядели красавец Потомак, его великолепную набережную, весной совершенно неотразимую в белоснежном цветении сакуры. Вид, скажу я вам, вполне сопоставим с видом родной Москвы-реки с Замоскворецкого моста. Там и там — красота, которой покорны все возрасты и все народы.

Осталась последняя глава, названная автором «Незавершенной». Не потому ли, что в ней подводятся некоторые итоги? А итоги, как известно, завершают только определенный период в бесконечности времени. Конец — прощание с героями — всегда печален, тут печаль усугубляется безвременной смертью Ильфа. Предвестья были уже в Америке. Петров вспоминает, как на кладбище Нового Орлеана его друг показал ему кровавый платок — он кашлял кровью. Илья Ильф умер в страшном 1937-м в возрасте 39 лет. Его соавтор ушел из жизни в том же возрасте, но, будучи младше Ильфа, застал начало Великой Отечественной и погиб в 1942 году в результате катастрофы самолета, летевшего из осажденного Севастополя. Оба писателя, к счастью, не застали времени, когда их романы специальным постановлением ЦК Партии были признаны антисоветскими (с 1948-го по 1956-й).

Иначе сложилась судьба американской пары, названной в романе мистером и миссис Адамс. Соломон Трон, инженер-электрик с российскими корнями, прошел через все перипетии XX века: придерживаясь левых убеждений, помогал Советам проводить электрификацию и благополучно унес из России ноги (в отличие от многих и многих американцев!), в разных странах выполнял различные поручения Госдепа и всегда выходил сухим из воды, самый драматический момент его биографии — когда в эпоху маккартизма он был лишен американского гражданства. Ничего страшного — перебрался в Англию, прекрасно обосновался там. Жил Соломон Абрамович долго, и в рассказе о нем нет того «послевкусия», которое возникает в конце повествования о писателях-сатириках. Написала и подумала: как плохо рифмуются слова писатель-сатирик и цифры 1937, 1942. Какая сатира может быть в эпоху террора или в годы войны? Разве что пропагандистская, когда осмеивается и «изничтожается» враг?!

Ильф и Петров счастливо избежали «пропагандистского» уклона в своих писаниях. Им удалось остаться незапятнанными, не подписывать писем, не писать доносов, не признаваться в любви к вождю.

Редкие образцы даже в сравнении с некоторыми сегодняшними работниками культуры. Они написали об Америке честно. Им очень хотелось, чтобы их родная страна кое-чему научилась у Америки. Они не попадали в струю, идеологический мейнстрим России во все времена был там, где Америку ругали, клеймили, называли источником войн и конфликтов. Этот мейнстрим существует до сих пор. Книга Леонида Спивака помогает разрушить барьер между Россией и Америкой, взглянуть на Соединенные Штаты «подружелюбней», увидеть в жизни американцев не только смешные и отталкивающие, но и привлекательные черты. Мне кажется, Леонид Спивак очень вовремя взялся за эту книгу. Она — ко времени. Теперь важно, чтобы она попала к читателю.